

Дмитрий Янковский

Правильный выбор

*Часть сборника
Русский фантастический боевик
– 2007*

Дмитрий Янковский

Правильный выбор

«ЭКСМО»

2007

Янковский Д. В.

Правильный выбор / Д. В. Янковский — «Эксмо», 2007

«У меня в ушах так колотила кровь от пережитых перегрузок, что мне несколько секунд после серии орбитальных маневров пришлось приходить в себя. Я был уверен, что бой закончился нашей победой – мы с Дораном и Гносом на трех скоростных истребителях “D-6” отсекли правое крыло боевого охранения вражеских крейсеров и подставили их под огонь нашего эсминца “Слава Республики”. Бортовая плазменная артиллерия разделалась с тяжелыми бронированными штурмовиками Бессмертных в считанные минуты, избавив нас от сложного и опасного орбитального боя. После этого Доран ввязался в стычку с остатками левого крыла, Гное получил повреждение двигателя и отправился на базу академии, а я принял приказ перейти в распоряжение передовой группы, купирующей прорыв Бессмертных в четвертом приграничном секторе. Крикнув Дорану по связи, что отхожу, я утормозил машину, сменил орбиту и начал разгон с экономией топлива, используя дармовую гравитацию звезды...»

© Янковский Д. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1. Схватка	5
Глава 2. Выпуск	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Янковский

Правильный выбор

Глава 1. Схватка

У меня в ушах так колотила кровь от пережитых перегрузок, что мне несколько секунд после серии орбитальных маневров пришлось приходить в себя. Я был уверен, что бой закончился нашей победой – мы с Дораном и Гносом на трех скоростных истребителях “D-6” отсекали правое крыло боевого охранения вражеских крейсеров и подставили их под огонь нашего эсминца “Слава Республики”. Бортовая плазменная артиллерия разделалась с тяжелыми бронированными штурмовиками Бессмертных в считанные минуты, избавив нас от сложного и опасного орбитального боя. После этого Доран ввязался в стычку с остатками левого крыла, Гное получил повреждение двигателя и отправился на базу академии, а я принял приказ перейти в распоряжение передовой группы, купирующей прорыв Бессмертных в четвертом приграничном секторе. Крикнув Дорану по связи, что отхожу, я утормозил машину, сменил орбиту и начал разгон с экономией топлива, используя дармовую гравитацию звезды.

Я уже был готов снова врубить маршевые дюзы и выйти на разомкнутую параболу, когда меня атаковали сразу четыре вражеских истребителя. Причем момент они выбрали до предела неудачный для меня – для данной расстановки сил я занимал далеко не лучшую орбиту, проходящую через восьмидесятый сектор по астроцентрическим координатам. Вывернуться из опасной и неожиданной ситуации я мог как на разгоне, так и на торможении – надо было срочно выбрать, что именно делать. В первом случае четверка нападающих останется ближе к звезде, а во втором, наоборот, я уйду на более низкую орбиту, оставив противника на внешних относительно себя секторах.

Оба маневра имели почти равные преимущества. Если противник окажется ближе к светилу, то у меня повысится свобода орбитального маневра вплоть до ухода в межзвездное пространство, но тогда на фоне звезды мне куда труднее будет брать Бессмертных в прицел, даже в радарный, поскольку этот чертов термоядерный шар мощно излучал во всех спектрах – от корпускулярного до рентгеновского. Если же на внешней орбите окажется противник, то я хоть и смогу в какой-то мере затеряться среди излучений, но зато возможность маневра снизится многократно.

Самое обидное заключалось в том, что на принятие столь сложного решения ситуация отпускала мне не более пяти секунд. В такой ситуации крайне тяжело удержаться от паники – рассудок впадает в ступор, а принимать решения, как я всегда считал, надо именно рассудком. Но теперь все вышло иначе – я попросту инстинктивно рванул рукоять тяги маршевых двигателей на себя, выводя свой “D-6” на более высокую орбиту. И лишь когда моя машина перенеслась на внешнюю относительно противника орбиту, я понял, что совершил ошибку, оставив четыре вражеских истребителя на фоне звезды. И один-то в потоке излучения поди возьми на прицел, а тут полная четверка! Им же меня выцелить – делать нечего, тем более в четыре спаренных скорострельных плазменных пушки. Выходило, что я сам себя поставил в крайне невыгодное положение, в котором на моей стороне остается только возросшая степень орбитальных маневров.

Однако, что показалось мне очень забавным, на уровне чувств, а не разума я ощутил себя легко и свободно, а от паники не осталось и следа. Передо мной словно весь космос открылся, во всех своих четырех измерениях.

Тут-то до меня и дошло, что на самом деле любая тактика огневого контакта была бы для меня проигрышной, выступи я с открытым забралом. Ну невозможно выдержать напор четы-

рех истребителей, если сражаться с ними лоб в лоб, да еще в одиночку. Поэтому не было ни малейшей разницы, легко мне было бы целиться в противника или сложно, поскольку у моей бортовой артиллерии попросту не хватило бы огня для поражения стольких целей в весьма ограниченный промежуток времени. Зато возросшая возможность маневра давала мне как минимум два спасительных варианта.

Во-первых, я мог попросту выйти из боя, сбежать, если выражаться проще. За это меня, ясное дело, предадут трибуналу, отправят на каторгу года на три и уж точно выгонят из академии, но зато имелась возможность спасти свою шкуру. Во-вторых, можно было из боя не выходить, сохранить лицо, свободу и честь истребителя, да и шкуру сохранить тоже, правда, с куда меньшей, чем в первом варианте, долей вероятности. Мне пришло в голову, что если не использовать всю мощь маршевых двигателей, если сделать вид, что пытаюсь выйти из боя, а на самом деле не усердствовать в этом, то четверо вражеских пилотов не смогут устоять перед искушением попытаться меня догнать. Дальше все будет зависеть от моих навыков, от уровня подготовки, а главное – от моей решимости выиграть схватку.

Решимость имела особое значение потому, что разругать ситуацию оптимальным для себя образом я мог только в том случае, если противник, увлекшись погоней, сломает строй. А по доброй воле никто этого делать не будет, мне придется вынудить их, навязать такой темп смены орбит, при котором возникающие перегрузки окажутся на пределе человеческих возможностей. А поскольку разные люди переносят перегрузки по-разному, стройный клин противника неизбежно растянется, давая мне шанс вступать в схватку с каждым по очереди, а не биться со всеми одновременно. Мало того, если перегрузки окажутся достаточно жесткими, кое-кто из преследователей может и вовсе сойти с дистанции, поскольку догонять и спасаться – очень разные вещи. Азарт погони, конечно, тоже толкает на риск и дополнительные усилия, но инстинкт самосохранения оказывается сильнее. Так что в этом плане у меня было даже некоторое преимущество.

На самом деле драться мне не хотелось. Я очень устал в предыдущем бою. Устал от перегрузок, от необходимости повышенного внимания, да и просто шесть часов безвылазно за штурвалом – то еще удовольствие. Тем более за штурвалом истребителя в реальном, а не учебном бою. К тому же мой летный опыт оставлял желать лучшего – курсанту последнего курса Летно-Боевой академии очень трудно сражаться с матерыми асами гвардейской истребительно-штурмовой эскадрильи Лже-Бастинов. Но на то и придумана присяга вместе с ответственностью за ее нарушение, чтобы в таких ситуациях инстинкт самосохранения толкал в бой, а не в сторону. Хотя бы потому, что мгновенно распылиться на атомы от прямого попадания плазмы кажется куда менее страшным, чем перенести два-три года каторги. В общем, именно в данном случае решение приняли за меня, чему я был искренне рад. Мне пришлось драться, а не драпать, а раз так, то следовало делать это с наибольшей эффективностью и с наименьшим риском для жизни.

Бросив взгляд на радарные метки, мерцавшие в искрах радиационных помех, я прикинул, по какой траектории мне лучше разогнаться, чтобы максимально эффективно растянуть строй противника. На начальном этапе маневра невозможно было определить это со сколь-нибудь значительной точностью, тем более с моим весьма скромным боевым опытом. Но и ошибиться было нельзя. Так что мой выбор направления разгона был во многом хрестоматийным – я рванул в сторону противника, огибая его по широкой орбитальной параболе. Такой маневр неизбежно вынудит Бессмертных на разворот, а это, даже при высокой слаженности действий, не просто выполнить строем, к тому же с учетом орбитальных законов движения.

Промчавшись почти сквозь боевые порядки врага и увернувшись от трех лобовых плазменных залпов, я действительно сломал строй Бессмертных, а заодно прилично от них оторвался. Тут-то и началось самое сложное. Зная, что меня ждет, я понизил температуру в кабине, поскольку из-под защитной лицевой маски у меня уже потекли струйки пота. Заодно

пришлось больше насытить дыхательную смесь кислородом – хоть и не полезно для легких, зато повышает реакцию и добавляет выносливости. Разогнавшись и вырубив маршевые движки, я отпустил машину в инерционный полет и активизировал все вооружение бортовой батареи, чтобы при случае одним нажатием гашетки обрушить на противника всю огневую мощь. Плюс к тому у меня еще оставались три малокалиберные термоядерные мины, но их применять надо с умом, чтобы хоть кто-то нарвался хотя бы на одну. Если же выбросить их раньше срока, любой истребитель расстреляет их с дальней дистанции.

Снова глянув на радар, я пораился, насколько эффективно мне удалось сломать строй противника – истребители Бессмертных перекрыли друг друга, из-за чего стрелять могли только два передних. Самое время сбросить первую мину! Причем у меня не было ни малейших иллюзий по поводу того, что на нее кто-то нарвется, смысл сброса был совершенно в другом. Дело в том, что мощность термоядерного фугаса, пусть и малого калибра, настолько высока, что даже в вакууме, где исключены ударные волны, близкий взрыв мог нанести истребителю повреждения, несовместимые с продолжением боя. Поэтому расстреливать мины следует с приличных дистанций, а попасть в столь малогабаритную цель не просто. Так что моей задачей было не столько поразить взрывом один из вражеских истребителей, сколько отвести от себя огневую мощь их бортовых батарей. И воспользоваться этим, естественно. Поэтому прежде, чем сбросить фугас, я подготовился к довольно сложному маневру, который пару раз неплохо у меня получался в учебных боях.

Подправив вектор тяги маневровых дюз, я коротко ударил в пространство маршевыми, чтобы стабилизировать полет, затем снова пустил машину по свободной орбитальной траектории и взялся за рукоять сброса. Коротким движением я сбросил мину и тут же рванул топливо в правой маневровой дюзе, разворачивая свой истребитель на сто восемьдесят градусов. В космосе нет большой разницы – лететь носом по ходу движения или кормой, а вот плазменные орудия на “D-6” ориентированы строго вперед, так что каждый раз, если хочешь отстреливаться от нападающих, приходится разворачиваться к ним лицом. Причем это не так просто, как кажется, поскольку надо не только развернуть машину, но и очень точно остановить разворот в определенный момент, коротко ударив противоположным маневровым двигателем.

Однако, несмотря на пережитую нервотрепку, я справился с задачей успешно, в результате чего клин Бессмертных влип в сетку моих прицелов. И тут же вражеские истребители расчертили тьму вакуума белыми трассами плазменных залпов, но мне на маневры ухода не надо было тратить время и силы, потому что целили они не в меня. Для них в пространстве болтался более достойный предмет приложения огневой мощи – сброшенная мною мина. А чтобы поразить ее, нужна определенная сноровка. И не поразить нельзя, а то так шарахнет по боевым порядкам, что можно будет по всем орбитальям собирать оплавленные броневые щиты. Так что секунд на двадцать, а то и на сорок про меня пилоты забудут, в этом не было ни малейших сомнений. Я же в течение этого времени мог выцеливать и поражать Бессмертных беспрепятственно.

Не тратя драгоценного времени даром, я нажал на гашетку, отправляя в пространство по прицельному вектору такую порцию плазмы, что, попади она даже в ад, чертям все равно стало бы жарко. Что уж говорить об истребителе, пусть и защищенном магнитной броней? На атомы его, конечно, не распылило, но от прямого попадания он раскалился добела, а через миг рвануло топливо в баках, расшвыряв во все стороны стремительные, на глазах остывающие осколки корпуса.

Я толкнул ногой педаль управления маневровой дюзой, чуть переводя прицел в сторону, на другого противника, но тот, получив сигнал от прицельного сканера, завертелся в маневре ухода и вывалился из моей сетки оружейного наведения. Понятное дело, что этим он ослабил общую огневую мощь группы, а Бессмертным и так приходилось туго, поскольку расстояние до мины стремительно сокращалось и она все еще не была поражена. Так что я представляю,

в каких выражениях увернувшийся от меня истребитель получил от своего командира крыла приказ вернуться в строй. Но было поздно – на такой скорости, которую я задал для орбитального боя, восстановить развалившийся клин было уже невозможно.

Упустив одну цель, я тут же поймал в сетку наведения следующую и выжал гашетку раньше, чем вражеский ас врубил тормозные дюзы. Часть моего залпа он сбил встречными факелами активного торможения, но я не отпускал гашетку, подрабатывая маневровыми дюзами и не выпуская его из прицела. Парню пришлось не сладко – он не мог вырубить дюзы, защищаясь огнем от плазмы, поэтому испытывал тяжелейшие перегрузки. При этом он стремительно терял скорость, а следовательно, начинал все сильнее терять астроцентрическую высоту, выходя из боя на более близкие к звезде сектора. Он испугался, я понял это через пару секунд. Да и легко ли не испугаться, когда в тебя лупят из всех стволов, а единственный щит, спасающий тебя от неминуемой смерти, – твои работающие на износ тормозные дюзы?

У меня мелькнула мысль его пожалеть, оставить в покое, пусть уходит из боя, но в приступе азарта и бешенства рука помимо моей воли сжимала гашетку. Честно говоря, я так увлекся удержанием вражеской машины в прицеле, что совершенно выпал из ритма схватки. Тут-то мне и прилетело. Командир вражеского крыла набрал скорость, оставил за кормой мину и влупил мне по касательной в борт добрую порцию плазмы. Причем он был настоящий мастер, бил по вектору, без прицела, чтобы не спугнуть меня писком противоорудийного сканера. Это снизило точность и результат попадания, но мне оказалось достаточно и этого. Кормовая часть моего истребителя раскалилась, угрожая взрывом запасов топлива, так что мне пришлось со всем возможным проворством бросать орудийную гашетку и хвататься за рычаг катапульты под креслом. Сработало – страшный пинок в зад вышвырнул меня из кабины вместе с креслом. Но тут же взорвались контейнеры с топливом, не только придав мне дополнительное ускорение, но и обдав левую половину тела чудовищным, нестерпимым жаром. Через немыслимо краткую долю секунды я ощутил укол инъектора, вогнавшего мне в бедро дозу анабиозной сыворотки, а еще через миг меня замотало в кокон противовакуумной защиты. Дышать внутри было нечем, поэтому легкие обожгло дыханием смерти, а тело свело отчаянной болью ожога, но уже через пару десятков секунд я почувствовал, как проваливаюсь в черную, похожую на смерть пропасть анабиоза.

Глава 2. Выпуск

Я терпеть не могу принимать решения. Если совсем честно, то сама необходимость выбрать что-то одно из некоторого количества вариантов кажется мне унижительной. Пусть даже выбор предстоит всего из двух альтернатив, но ведь от другого придется тогда отказаться! Со стороны это может показаться похожим на жадность, но никто из знакомых не мог меня упрекнуть в этом пороке. Скорее... Скорее мне просто каждый раз было боязно принимать на себя ответственность за собственное решение.

Мой боевой товарищ Доран, однокашник по Республиканской Летно-Боевой академии, при всем хорошем ко мне отношении зачастую бурчал, что когда-нибудь из-за собственной нерешительности я попаду в серьезную передрыгу. И вот сбылось – я чудом остался жив, получил приличный ожог и чуть не вылетел из академии по решению медицинской комиссии. Так мой первый бой чуть не стал последним.

Как-то раз, незадолго до выпуска, мы с Дораном выпивали в кабачке “Пирс” в двух кварталах от академии. Посетителей было немного, наличности у нас – тоже, так что мы с ним больше болтали, чем пили, попутно просматривая военные сводки на мультисетевом мониторе, встроеном в стол.

– Это ты накаркал! – прямо заявил я Дорану, выпив очередную стопку “Битума”.

– Ты о чем? – покосился он на меня.

– О моем ранении! – пояснил я, потрясая в воздухе указательным пальцем. – Кто мне постоянно лил в уши, что я поплачусь головой за свою нерешительность?

– Остынь, дружище! – Доран посмотрел мне в глаза. – Если я в чем и виноват, то как раз в противоположном. Я так часто сетовал на твою нерешительность, что ты ударился в другую крайность. Ты погорячился! Надо было раньше оставить парня в покое, тогда бы у тебя было достаточно шансов выйти из боя победителем или с меньшими потерями. Хотя... В чем-то ты прав. Горячность является обратной стороной нерешительности, точнее, ее компенсацией. А надо придерживаться золотой середины.

– К черту! – Я пьяно помотал головой. – Лучше уж проявлять нерешительность. Я от нее меньше пострадал, чем от горячности.

Доран вздохнул и решил сменить тему.

– Скоро Лже-Бастинам конец придет, – сказал он. – Если штурмовики Королевства и наши республиканские силы дальше так будут давить, то скоро от Бессмертных останутся лишь куски обшивки, разбросанные по космосу. Зря они ввязались в такую жесткую борьбу на два фронта.

– Да и черт с ними, – отмахнулся я. – Меня больше волнует распределение после выпуска. Тебе-то хорошо, у тебя стандартный диплом, куда направили, туда и пойдешь. А мне пришлось...

– Что значит пришлось, Бак? – усмехнулся Доран. – Кто тебя заставлял рвать задницу и сдавать все экзамены на отлично?

– Ты же знаешь, из какой я семьи! – поморщился я. – Меня бы со свету сжили, не добейся я особого диплома. Только и было бы разговоров о славных предках, которых я мог оказаться не достоин. Родителям совершенно не интересен тот факт, что мне теперь придется сделать более чем непростой выбор – выбрать для себя место службы.

– Могу подсказать неплохой способ снять с себя ответственность за это решение.

– Интересно... – без особого интереса вымолвил я.

– Воспользуйся чьим-нибудь советом, – спокойно ответил Доран.

– Например, родительским, – вздохнул я. – И полететь служить на забытую всеми богами систему Альго, где угораздило погибнуть моего деда. Как-то, прямо скажу, безрадостно.

– Все куда проще, – улыбнулся Доран. – Меня распределили на форпост Грут, и я буду чертовски рад, если мой друг Бак, с которым мы скушали не менее двух пудов соли за семь лет обучения, полетит со мной.

– Ты с ума сошел, – покачал я головой, налил в стопку “Битум” и выпил. – Конечно, мои домашние мечтают о моем славном послужном списке, но не настолько, чтобы позволить мне служить на одном из форпостов, куда война между Лже-Бастинами и Королевством может перекинуться в любой момент, как лесной пожар. Вряд ли они мечтают получить мое брненное тело в керамзитовом гробу с изображениями республиканских регалий. Знаешь, как они пережили мое ранение?

– Ну и какого черта они позволили тебе поступить в академию в таком случае?

– Тебе этого не понять. Это вопрос происхождения и родового офицерского долга. Однако все хотят расплатиться с долгами, потеряв на этом как можно меньше.

– А чего же ты сам хочешь? – Доран глянул на меня с иронией.

– Не знаю, – честно признался я. – С одной стороны, я учился на истребителя, чтобы воевать. Это правда. С другой, хотелось бы не огорчать родителей и начать тихую карьеру штабного офицера. С третьей, я не прочь отправиться служить с лучшим другом.

– Тогда первое ничем не противоречит третьему, – пожал плечами Доран.

– А родители? – вздохнул я.

– Да тьфу на тебя, – почти всерьез психанул он. – Взрослый мужик, а ведешь себя как девка на выданье! Рано или поздно тебе все равно придется научиться делать выбор и нести за него ответственность.

– Но я хочу принимать верное решение, а не абы какое!

– Как же ты не понимаешь, что зачастую случайное решение может оказаться куда вернее продуманного!

– Как это? – удивился я.

– Очень просто! Зачастую у человека попросту не хватает данных для верного решения, а приняв хоть какое-то, ты продолжаешь двигаться, а не топтаться на месте. Ты же сам рассказывал, как рванул рукоять управления маршевым двигателем раньше, чем принял решение на осмысленном уровне. Тебя разве не это спасло от прямой стычки?

– И что ты мне предлагаешь? Сыграть в “чет-нечет”?

– Нет, – улыбнулся Доран. – Но что-то эффективное в этом плане тебе надо придумать. Тебе нужна шутовина, которая избавит тебя от груза ответственности за решения. Попробую что-нибудь сообразить. А пока надо допить эту бутылку, у нас увольнение заканчивается через два часа.

А через три дня выпускникам с особым дипломом предстояло реализовать свое право выбора места распределения. Мне, понятное дело, тоже. Надо сказать, что той ночью спал я неважно, изнервничался и устал. В ночных кошмарах я то превращался вместе с машиной в плазму при вражеском попадании, то лебезил перед начальством в роли молодого штабного офицера. В общем, выспался хуже некуда, лучше бы вообще не ложился.

А утром меня огорошил Доран.

– Ну что, дружище? – весело спросил он, ввалившись в мою комнату, как обычно, без всякого предупреждения.

– Ничего, – пробурчал я в ответ.

– А у меня “чего”. Точнее, подарок для тебя. Тематический. – Он бесцеремонно уселся на край моей кровати.

– Доран... – простонал я. – Мне худо и без твоих шуточек!

– Сейчас станет лучше. Давай свой наручный вычислитель.

– За каким чертом?

– Я для тебя программку написал. Инструмент для принятия решений. Давай, давай, не криви лицо!

Мне проще было сунуть ему боевой наручный вычислитель, чем продолжать пререкаться. Доран настроил его на прием и слил со своего планшета какую-то небольшую программу.

– Владей, – улыбнулся он, возвращая мне вычислитель. – Там все проще некуда.

Я безразлично закинул машинку на прикроватный столик и глянул на друга. До игрушек ли мне было сейчас? Через два часа я должен был предстать перед комиссией по распределению.

– Да не вешай ты нос! – подмигнул Доран. – Как-нибудь все решится.

– Как-нибудь не надо, – устало отмахнулся я. – Хотелось бы принять правильное решение. Чтобы хорошо было всем.

– Так не бывает, – однокашник встал и пожал плечами. – Одной задницей в два кресла не сядешь. Однако главный секрет в другом.

– В чем же?

– В том, что одно решение ничуть не лучше другого.

– Я уже от тебя это слышал. Бредовая философия.

– Может, и так. Ладно, дружище, мне пора собираться. Надеюсь, еще свидимся перед отлетом. А если нет... Мультисетевой адрес ты знаешь.

Он коротко махнул рукой и шагнул за порог комнаты. Мне стало еще более грустно, чем было. А что делать? Жизнь – злая тетка. О завтраке не хотелось и думать, да и кто станет наказывать за нарушение распорядка в день отлета? Посидев на кровати немного, я скосил взгляд в сторону столика. На нем лежал мой наручный боевой вычислитель, совмещавший в себе несколько важных для выживания приборов. Но основой машинки был обычный компьютер на базе не очень мощной квантовой колбы.

Несмотря на крайне нервное состояние, меня все же взяло любопытство по поводу внедренной туда программы. Взяв машинку, я отыскал вращающуюся иконку, которая появилась среди других, – это был значок-монограмма, сочетавшая в себе слова “да”, “нет” и знак вопроса. Я выбрал ее и запустил программу.

В моментально раскрывшемся окне появилось приглашение: “Задай вслух вопрос, на который можно дать положительный или отрицательный ответ”. Я удивленно приподнял бровь и прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.